

УДК 82.09

Ф. В. Кувшинов

ОККУЛЬТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. И. ХАРМСА

В статье рассматриваются некоторые произведения Д. И. Хармса, испытавшего значительное влияние философии оккультизма. Прочтение Хармса в данном контексте позволяет обнаружить новые возможные источники сюжетов известных рассказов писателя.

Ключевые слова: Д. И. Хармс, оккультизм, сюжет

F. V. Kuvshinov

OCCULTISM IN D. I. HARMS' CREATIVE ACTIVITY

The article envisages some works of D. I. Harms who was considerably affected by the philosophy of occultism. Perusal of D. I. Harms in this context allows distinguishing the famous writer stories new plot sources.

Key words: D. I. Harms, occultism, plot

Творчество Даниила Ивановича Хармса до сих остается богатым источником для филологических разысканий. Иногда подобные поиски ведут к русской классической литературе, иногда уводят в широкое философско-культурное пространство. Подобные исследовательские траектории вполне оправданы: в круг интересов Д. И. Хармса входила и мировая и русская литература, и философия, и музыка, и мифология, и религия. Огромный интерес у него вызывал оккультизм, пик популярности которого в России пришелся на начало XX в., что было обусловлено как настроением эпохи, так и деятельностью символистов, сделавших оккультные мотивы одними из центральных в своем творчестве и жизненной практике. Оккультизм же Хармса не был столь публичен, поскольку это вообще было маловероятным в условиях культурной революции, потрясшей Россию после октября 1917 г., и последовавшим за этим цензурным и идеологическим гнетом. В эти годы оккультизм вновь начинает соответствовать своему наименованию — он становится скрытым, тайным — таким же неявным, как и творчество Хармса, из «взрослого» наследия которого в свое время было опубликовано лишь два стихотворения. Вместе с тем оккультные мотивы очевидно или косвенно обнаруживают себя в его произведениях. На это обратили свое внимание, в первую очередь, комментаторы Хармса; серьезную работу осуществил М. Б. Ямпольский, который прослеживает про-

никновение оккультизма в творчество Хармса через К. Малевича и В. Хлебникова [18, с. 370]. В целом замечаний по поводу связи оккультизма и творчества Хармса в научной и комментаторской литературе достаточно [4, 6, 7, 8, 9, 12], но всё же этого пока что не хватает, чтобы охватить всё богатое творческое наследие Хармса в контексте заявленной проблемы. В нашей работе мы хотели бы заполнить некоторые лакуны темы «Оккультизм и Хармс».

В ноябре 1929 г. в § 4 трактата «Сабля» Хармс пишет¹ [15, т. 2, с. 280–281]:

Тут мы стоим и говорим: Вот я вытянул одну руку вперед прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, с низу пятками, с боку плечами. Вот я и весь. А что вне меня, то уж не я.

Понятно, что в этом тексте Хармс творчески создает макет пространства. Первоначально кажется, что Хармс описывает трехмерную модель некоего тела. В § 5 он описывает сложившиеся три пары [там же, с. 281]:

Вот три пары наших граней:

1. рука — рука.
2. плечо — плечо.
3. затылок — пятки.

---

¹ Тексты Д. И. Хармса цитируются в соответствии с авторским написанием.

Увлечение Хармса вопросом измерений пространства восходит, конечно, к П. Д. Успенскому, который отрицал трехмерность мира и проповедовал четыре измерения, и к К. С. Малевичу, которому даже четырех измерений было мало. Как кажется, в представленном тексте Хармса поднимается вопрос о шестимерности мира, а сама идея подобного строения восходит не столько к Успенскому и Малевичу (хотя их можно назвать катализаторами мысли Хармса), сколько к индийской мифологии, с которой Хармс мог познакомиться в рамках своего увлечения буддизмом. И здесь хотелось бы обратить внимание на фигуру Будды.

Х. Л. Борхес в простой и поэтической форме пересказал известную индуистскую легенду о рождении Будды: матери Гаутамы приснился сон о белом слоне с шестью клыками. Борхес пишет [3, с. 515]:

Почему клыков шесть? Следует помнить <...>, что число шесть, для нас в какой-то мере непривычное и взятое произвольно (мы предпочли бы три или семь), воспринимается по-другому в Индии, где считают, что существует шесть измерений пространства: верх, низ, перед, зад, право, лево.

Когда Хармс пишет «рука — рука», он имеет в виду «перед» и «зад», когда он пишет «плечо — плечо», он имеет в виду «право» и «лево», когда он пишет «затылок — пятки», он имеет в виду, соответственно, «верх» и «низ». Увлекавшийся индийской йогой, индуистскими учениями и мифологией, Хармс не мог не знать о шестимерности индуистского пространства.

Возможно, обращение к легенде о рождении Будды поможет лучше понять и загадочную амнезию в хармсовском рассказе «Сонет» из цикла «Случаи» [15, т. 2, с. 310]:

Удивительный случай случился со мной: я вдруг позабыл, что идет раньше, 7 или 8?

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково-же было их и мое удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счета. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Другим из источников анализируемого отрывка могла послужить поэма Маяковского

«Человек», начало главки «Вознесение Маяковского» из которой переписано Хармсом в записной книжке [14, кн. 1, с. 34]:

Глазами взвила ввысь стрелу.
Улыбку убери твою.
А сердце рвется к выстрелу.
А горло бредит бритвою.

В «Человеке» есть строфы, которые тематически сближаются с текстом Хармса [11, т. 1, с. 170]:

Две стороны обойдите.
В каждой
дивитесь пятилучию.
Называется «Руки».
Пара прекрасных рук!
Заметьте:
справа налево двигать могу
и слева направо.

С другой стороны, шестимерность пространства может у Хармса восходить к каббалистической книге «Сефер Йецира» («Книга Творения»). Так, в первой главе читаем о шестимерности Вселенной [16, с. 510]:

5-я. Он выбрал три согласных (I, H, V) из простых букв <...>. Он запечатал их духом Своим и образовал из них Великое Имя, и тем самым запечатал вселенную в шести направлениях. Он обратился вверх и запечатал его $\uparrow$ I, H, V.

6-я. Он обратился вниз и запечатал бездну с $\downarrow$ I, H, V.

7-я. Он обратился вперед и запечатал Восток с $\rightarrow$ I, H, V.

8-я. Он обратился назад и запечатал Запад с $\leftarrow$ I, H, V.

9-я. Он обратился направо и запечатал Юг с $\rightarrow$ I, H, V.

10-я. Он обратился налево и запечатал Север с $\leftarrow$ I, H, V.

Увлечение Хармса философией П. Д. Успенского отразилось и в других произведениях Даниила Хармса.

Так, в рассказе «Пассакалия № 1» Хармс пишет [15, т. 2, с. 176]:

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто-то схватил мою палку и дернул. Я выпустил палку из рук и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный стоял я около воды.

П. Д. Успенский в своей книге «*Tertium Organum*. Ключ к загадкам мира» приводит обширную цитату из сочинения С. Х. Хинтона «Четвертое измерение», которая, как кажется, и послужила одним из оснований для создания хармсовского текста. В этой цитате есть описание учения Парменида, которое (описание) подтверждается одним примером [13, с. 100]:

Представим себе поверхность тихой воды, в которую опускаем палку в наклонном положении, движением вертикальным сверху вниз.

Примечательно, что Хинтон (и, соответственно, Успенский) приводит доказательство своих идей для некоего «плоского существа», которому «...будет очень трудно понять всю сложность (выделено Успенским. — Ф. К.) явлений нашего мира, как она является для нас. Оно (плоское существо) привыкло представлять себе мир чересчур простым» [там же, с. 101]. Второй персонаж хармсовского рассказа — некий Лигудим — так же отказывается объяснить явление с палкой, потому что оно ему недоступно в силу его ограниченности.

Несомненно, Хармс должен был заинтересоваться учением Парменида и должен был знать, что Парменид объяснял строение мира как шарообразное: «Дело в том, что и Парменид считает вселенную единой, вечной, невозникшей и шаровидной...» [5, с. 436]. П. Д. Успенский в IX главе своей книги «*Tertium Organum*» пишет: «Мы никогда не видели куба, шара (выделено Успенским. — Ф. К.) и т. п., а всегда только поверхности» [13, с. 137]. Кажется, всё это в совокупности нашло выражение в рассказе «О явлениях и существовании №1» [15, т. 2, с. 91]:

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит: «Смотри!»

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» — шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

«Какой такой шар?» — шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Размышления П. Д. Успенского над «пятым измерением», понимание которого необходимо для постижения «четвертого», повлекли за собой пародийное их переосмысление Хармсом в рассказе «Новые Альпинисты». П. Успенский: «*Пятое измерение (выделено Успенским. — Ф. К.)* — это перпендикуляр к плоскости времени, та высота, на которую должно подняться наше сознание, чтобы одновременно увидеть прошедшее, настоящее и будущее.

Это гора, на которую должен подняться путешественник, чтобы увидеть позади город, откуда он выехал *вчера*, и впереди город, куда он придет *завтра*» (выделено Успенским. — Ф. К.) [13, с. 68]. У Хармса альпинисты Бибиков и Аугенапфель пытаются покорить *гору*, но из этого ничего не выходит: они падают (падение — важный художественный и философский элемент поэтики Хармса). В контексте же оккультно-философской практики падение означает отступление перед познанием, гносеологическое поражение.

М. Б. Ямпольский в своей известной монографии «Беспамятство как исток (Читая Хармса)» останавливается на подробном анализе хармсовского рассказа «Макаров и Петерсен. №3» [18, с. 212–223]. Интересные наблюдения исследователя всё же, как кажется, могут быть дополнены.

Мотив книги, при прочтении которой человек исчезает, восходит, конечно, не только к многочисленным философским и математическим трактатам, как показывает М. Б. Ямпольский, а к рассказу Г. К. Честертон «Проклятая книга»².

² Этот рассказ не упоминается Хармсом нигде. Примечательно, что в собрании сочинений рассказ «Макаров и Петерсен. №3» не датируется и относится комментаторами, предположительно, к 1933 г. При этом в записных книжках Хармса упоминаются следующие произведения Честертон: «Клуб изобретательных людей», «Мудрость отца Брауна», «Неверие патера Брауна», «Новый Дон-Кихот», «Перелетный кабак», «Человек, который был четвергом». Так что этот писатель был любим Хармсом и хорошо ему знаком. Известно, что до нас дошли не все записные книжки Хармса, что позволяет предположить, что рассказ Честертон *мог* быть известным Хармсу.

Сам рассказ был написан в августе 1933 г., в СССР он впервые появился в сборнике «Скандалное происшествие с отцом Брауном» в 1935 г., а затем повторно в журнале «Вокруг света» (1937. №6).

Описанный Честертоном механизм исчезновения читателя³ полностью идентичен происходящему в рассказе Хармса.

Профессор Опеншоу⁴ при встрече с патером Брауном высказывает мысль, которая в нашем случае является чисто хармсовской [17, с. 348]:

— Появления... — пробормотал он. — Как странно, что вы сказали именно это. Чем больше я узнаю, тем больше склонен считать, что появлениями духов занимаются слишком много. Вот если бы присмотрелись к исчезновению людей...

Честертон описывает вымышленную книгу, открыв и заглянув в которую человек моментально исчезает. Причем описанное мистером Принглем зафиксированное им лично подобное исчезновение по своей логике поразительно схоже с хармсовским [там же, с. 352]:

— Итак, он положил книгу на стол, рядом с ятаганом. Я стоял у входа в палатку, спиной к нему, и смотрел в лес. А он стоял у стола и ругался — дескать, стыдно в двадцатом веке бояться каких-то книг. «Какого черта! — говорит. — Возьму и открою». Мне как-то стало не по себе, и я сказал, что лучше б вернуть ее как есть доктору Хэнки. Но он не мог успокоиться: «А что тут плохого?» Я ответил: «Как — что? Вспомните про пароход». Он молчит. Я думал, ему нечего ответить, и пристал к нему из чистого тщеславия: «Как вы это объясните? Что там произошло?» А он молчит и молчит. Я обернулся — и вижу: его нет.

В палатке никого не было. Открытая книга — на столе, переплетом вверх.

³ С точки зрения биографии самого Хармса подобный мотив можно воспринимать как инверсию его собственной судьбы, описанной в стихотворении «Из дома вышел человек...».

⁴ Портрет профессора Опеншоу поразительно напоминает самого Хармса: «высокий, худой человек со светлой львиной гривой и властными голубыми глазами» [17, с. 346].

Неверующий Петерсен исчезает точно так же, как и неверующие неизвестный человек и капитан Вейлс.

Между прочим, мотив неверия именно с точки зрения христианства подтверждается еще одной деталью рассказа. Петерсен, желая обидеть Макарова насмешкой, говорит [15, т. 2, с. 322]:

Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

Нет сомнения, что мотив омовения ног восходит к Евангелию и имеет важное эзотерическое значение. Приведем отрывок из письма А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову [2, с. 39]:

В Христ<ианском> Посвящении есть 7 стадий, которые должны быть пройдены учеником. Ев<ангелие> от Иоанна и Apocalypsis — руководящие нити для него. Каждая стадия сопровождается яркими, чувственными ощущениями физическими — и сновидениями. <...>

1. **Омовение Ног.** Великое смирение царит везде в природе, благодарение от высших нисшим <так!> (примеч. Н. А. Богомолова. — Ф. К.). Растение благодарит камень, оно склоняется к нему. Животное склоняется к растению, человек с лаской склоняется к животному. Тот, кто выше всех, склоняется перед теми, кто ниже его, и омывает ноги им. Величайшее смирение необходимо для ученика. Внешний симптом: шум журчащей воды у ног ученика, всегда, везде, шепот и плеск воды, бьющейся о ноги его и тихо говорящей ему слова, слышимые ему одному.

Неверующий ученик Петерсен не желает смиряться перед неведомой силой, за что и наказывается.

Загадочное МАЛГИЛ может также исходить из «Книги пророка Иеремии» и из «Евангелия от Луки».

В первом случае имеется в виду попытка убийства Иеремии, когда его бросили в иссохший колодец **Малхии**, сына царя Седекии: «...в яме этой не было воды, а только грязь, и погрузился Иеремия в грязь» [Иерем.: 38–6]. Выстраивается цепочка мотивов *вода — ноги — грязь*.

Второй случай связан с усечением уха у раба **Малха** Петром в Гефсиманском саду [Иоанн.: 18–10], когда Христос исцелил рану своим прикосновением [Лука.: 22–51]. Здесь

следующая цепочка мотивов: *неверие* — *предательство* — *расплата*. Все эти мотивы характерны и для хармсовского рассказа.

Еще одной возможной литературной «предтечей» хармсовского текста может выступать известное (и даже — более!) произведение К. С. Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», так называемая «гершензоновская» глава которого составила книжку «Бог не скинут», которая с дарственной надписью автора «Д. И. Хармсу. К. Малевич. 16 февраля 27 г. Идите, и останавливайте прогресс. К. М.» была подарена Хармсу. Почти в самом начале этого интереснейшего трактата мы читаем следующее [10, с. 151]:

<б.> Человек собирается постигнуть и узнать «всё». Но есть ли это «всё» перед ним, может ли это «всё» положить перед собою на стол и его исследовать, описать в книгах, и сказать: вот книга, где «всё» описано, изучите ее и будете всё знать.

Удивительное совпадение мыслей Малевича и Хармса! И хотя точная дата написания хармсовского текста, согласно редакции В. Н. Сажина, неизвестна (А. А. Александров указывает, однако, дату написания 1934 г. [1, с. 375]), можно предположить, что блистательная миниатюра была написана позже 1927 г., т. е. после знакомства Хармса с текстом Малевича.

Все изложенное позволяет сделать некоторые выводы. Творческое переосмысление философских и оккультных идей Хармсом происходит на уровне выстраивания сюжета, а сама такая творческая адаптация носит иронический характер, что вообще вписывается в общую модернистскую традицию иронического обыгрывания культурного наследия. Вместе с тем у хармсовских миниатюр, которые часто не закончены, носят характер наброска, конспекта, бывает не один литературный, философский, религиозный или оккультный источник, что усложняет их понимание.

Библиографический список

1. Александров А. А. Комментарии // Полет в небеса / Д. И. Хармс. — Л., 1988.
2. Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. — М., 2000.
3. Борхес Х. Л. Коллекция: рассказы, эссе, стихотворения / пер. с исп.; сост. и вступ. ст. В. Багно; коммент. Б. Дубина. — СПб., 1992.
4. Герасимова А., Никитаев А. Хармс и «Голем» // Театр. — 1991. — № 11.
5. Досократики: доэлеатовский и элеатовский периоды / А. О. Маковельский. — Минск: Харвест, 1999.
6. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. — СПб.: Акад. проект, 1995.
7. Кобринский А. А. Даниил Хармс. — М.: Молодая гвардия, 2008. — (ЖЗЛ).
8. Кувшинов Ф. В. К анализу рассказа Д. Хармса «Гиммелькумов смотрел на девушку...» // «Странная» поэзия и «странная» проза: филол. сб., посвящ. 100-летию Н. А. Заболоцкого. — М.: Пятая страна, 2003.
9. Лоцилов И. Е. Феномен Николая Заболоцкого. — Хельсинки, 1997.
10. Малевич К. С. Черный квадрат. — СПб., 2001.
11. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 6 т. — М., 1973.
12. Россомхин А. А. «Real» Хармса: по следам оккультных штудий поэта-чинаря. — СПб.: Красный матрос, 2005.
13. Успенский П. Д. Tertium organum: ключ к загадкам мира. — М., 2000.
14. Хармс Д. И. Собрание сочинений: записные книжки, дневник: в 2 кн. Кн. 1 / подгот. текста Ж.-Ф. Жаккара, В. Н. Сажина; вступ. ст., примеч. В. Н. Сажина. — СПб.: Акад. проект, 2002.
15. Хармс Д. И. Собрание сочинений: в 3 т. — СПб.: Азбука, 2000.
16. Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцевской символической философии. — М., 2003.
17. Честертон Г. К. Рассказы. — М.: Правда, 1981.
18. Ямпольский М. Б. Беспмятство как исток: читая Хармса. — М.: Нов. лит. обозрение, 1998.